

ка, подвези», «через золото слезы льются», «за золотом пойдешь — корку хлеба найдешь», «с корыстью к жилке пошел — не дожидаясь удачи». Эти пословицы, вошедшие в себя коллективный опыт многих поколений золотоискателей, в краткой, сжатой форме дают обобщенную характеристику концепта «золото», раскрывают содержание его интерпретационного поля: искать и добывать золото — это тяжелый труд, даже самая малая толика золота очень ценится, не всегда то, что блестит, — золото, судьба золотодобытчика переменчива: то он сыт, значит, богат, то снова беден, результаты труда едва обеспечивали рабочему существование, поэтому в пословицах выражено двойственное отношение золотоискателей к золоту и своей профессии: как к «необходимому злу» и счастливому случаю, изнурительному, зачастую бесплодному труду и как к такой сфере деятельности, где человек может проявить свои творческие наклонности, свой характер, свою человеческую сущность, поэтому трудолюбие и целеустремленность, даже азарт, — это неперемное условие успешной добычи золота, а корысть и жадность наказуемы. Горьким итогом рассказов о судьбе золотоискателей, нашедших много золота, являются пословицы: «Золото молчит, да много зла творит», «За золото много дают, да домой не носят». Это установочное суждение в интерпретационном поле концепта «золото» в профессиональном фольклоре золотодобытчиков созвучно традиционной оценке большого богатства как несчастья в общенародном фольклоре и закреплено в языке с помощью фразеологических оборотов, удерживающих в памяти народа коллективный опыт познания мира и человека. Подводя итоги, можно сказать, что, во-первых, номинация концепта «золото» не случайна и определяет семантику языковых средств, использованных для его выражения; во-вторых, анализ периферии концепта показал, как шло развитие признаков концепта по мере его осмысления в разное время, своеобразие его интерпретации в фольклоре профессиональной общности золотоискателей; в-третьих, как ядро, так и периферия концепта выполняют не только информационную, но и этико-эстетическую функции коммуникации, раскрывая ментальность самосознания группового единства золотоискателей; в-четвертых, осознавая и оценивая себя и окружающую действительность сквозь призму коллективного сознания, золотодобытчики, используя концепт «золото» во всем многообразии его осмысления, создали фольклорные произведения, являющиеся фактом духовной культуры народа.

Примечания:

1. Ожегов С. И., Шведов Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2000. С. 232.
2. Преображенский А. Г. Этимологический словарь русского языка. М., 1958. С. 255-256; Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. М., 1994. Т. 1. С. 328.

© Фёдорова В. П.
г. Курган

ПАРОДИЯ НА ЗАГОВОР В СБОРНИКЕ КИРШИ ДАНИЛОВА

Исследователями Сборника неоднократно отмечался ироничный взгляд Кирши Данилова на многие явления XVIII века. В частности, указывалось на пародирование былинных устоявшихся формул.

Достойное включение в рукописную книгу значительного круга былин убедит-

тельно говорит о том, что пародирование направлено не на весь русский героический эпос, а на некоторые окаменевшие приметы формы. Пародирование предполагает знание былин не только исполнителем, но и слушателями. В противном случае знаток былин не получит «обратной связи», не вызовет нужную реакцию на исполнение. Пародирование, а не только тексты былин, свидетельствует о широком бытовании произведений этого жанра на Урале в 40—50-е годы XVIII века.

Наиболее ярким пародийным произведением является «Агофонушка».

«Привычные, хорошо знакомые исполнителям (и, по-видимому, слушателям) эпические образы, детали, ситуации приобретают в «Агофонушке» травестированную форму: широкие просторы земли, на которых совершались эпические подвиги, уменьшаются здесь до мизерных пределов домашней площадки», — писал Б. Н. Путилов, комментируя издание Сборника 1958 года (с. 562).

Пародируются структура былин (от зачина до исхода), центральный эпизод — сражение, а также средства идеализации образа богатыря (роскошное снаряжение, одежда, облик, сила и т. д.)

Расположение «Агофонушки» под №27 после значительного цикла героических былин не случайно. Кирша Данилов осознавал свое произведение как неразрывно связанное с эпическим жанром, показав прекрасное знание законов героического эпоса, способность вызывать высокие патриотические чувства и искреннюю веселость. «Агофонушка» выполняет роль однотипную с той ролью, которая отводилась комическим фигурам в народной драме трагической направленности: давала эмоциональную разрядку.

Талант Кирши Данилова — пародиста раскрывается в пародии на заговор. Мастер выбирает текст — заговор-загадку от ожога, построенный на оксюмороне, что само по себе является хорошей основой для пародирования. Заговор был известен на Урале, о чем свидетельствуют записи в конце XX века в Зауралье.

Летел орел бескрылый,
Клевал орел бескосый,
Утешал ножки безногий

(Архив кафедры литературы КГУ, колл. «Ильино-91», №21).

Бескрылый полетел,
Безногий поскакал,
Безрукий помахал,
Безглазый поглядел,
Безухий послушал.

(Колл. «Заговоры», №223).

Мы располагаем ещё двумя текстами. Бытование данного заговора отмечено и в других регионах (Русские заговоры и заклинания. Изд. МГУ, 1998. №№170-1704). Обратившись к заговору, Кирша Данилов сохранил оксюморонную форму, но наполнил свое произведение сниженными бытовыми деталями:

А слепые бегут, спинают глядят,
Безголовые бегут, оне песни поют,
Бездырья бегут — попёрдывают,
Безносыя бегут — понюхивают,
Безрукой втапоры клеть покрал,
А нагому безрукой за пазуху наклал,
Безязыкова, тово на пытку ведут,
А повешаны — слушают,

А и резаной — тот в лес убежал.
(Сборник Кирши Данилова. — М., Л., 1958. С. 182)

Пародия на заговор одновременно является небылицей, в рамках которой реальные несовместимые события преподносятся как реально происходящие.

Пародия на заговор — свидетельство того, что Кирша Данилович (Кирша Данилов) знал не только былины и песенный фольклор, но и заговоры, чутко улавливая возможности пародирования их, подвергал серьезное в искусстве «оздоровительному комическому снижению» (Русские народные сказки Урала. Записал В. В. Блажес. Екатеринбург, 2001. С. 6).

Способы создания пародий сближают Сборник Кирши Данилова с демократической сатирой XVIII века, направленной на традиционные, устоявшиеся формы словесной культуры (службы, росписи приданого, челобитные). Но оригинальность «Агофонушки» дает основание считать, что данное произведение — плод личного творчества уральского талантливого носителя фольклорной традиции Кирилла Данилова.

© Феоктистова И. К.

г. Омск

ХРИСТИАНСКИЕ ЛЕГЕНДЫ ОМСКОЙ ОБЛАСТИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ФОЛЬКЛОРНОГО АРХИВА ОМГПУ)

В отечественной фольклористике в последнее время получило развитие широкое понимание легенды, в результате чего к этому типу повествований стали относить тексты с различными жанрообразующими признаками¹. Автор данной публикации поддерживает и развивает концепцию В. Я. Проппа, согласно которой народная легенда есть «прозаический художественный рассказ, обращающийся в народе, содержание которого прямо или косвенно связано с господствующей религией»². Хотя определение, сформулированное ученым в статье «Легенда» в 1930-е гг., может быть в дальнейшем уточнено, оно позволяет отделить рассматриваемый жанр, с одной стороны, от легенды книжной, а с другой, от сказки и близких жанров сказочной (мифологической) прозы.

Связь русской легенды с Христианством обусловила фактический запрет на изучение этого жанра в советское время. Отсутствие публикаций не позволяет нам судить в целом о бытовании легенды в Сибири в XX в., но по Омской области можно сделать некоторые выводы. Это оказалось возможным благодаря архивным материалам кафедры русской и зарубежной литературы ОмГПУ (ФА ОмГПУ). Несмотря на то, что целенаправленное собирание христианских легенд не проводилось, в 1970-80 гг. было записано, а позднее каталогизировано более тридцати повествований данного типа. Здесь уместно отметить вклад преподавателей кафедры Л. М. Белкиной, Н. К. Козловой, Т. Г. Леоновой, Л. В. Новоселовой.

Записи произведены в г. Омске и 11 районах области: Горьковском, Колосовском, Любинском, Нижне-Омском, Оконешиновском, Омском, Саргатском, Сельниковском, Тарском, Тюкалинском, Щербакульском. В связи с этим можно прогнозировать наличие достаточно развитой традиции. Большинство исполнителей русские, имеются также записи от украинцев.

В местных текстах можно выделить космогонический сюжет (о сотворении мира двумя братьями, один из которых впоследствии становится Господом, а вто-